
Альмира Усманова

СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИКА В БЕЛОРУССКИХ МАССМЕДИА

В данной статье мне хотелось бы проанализировать, каким образом тема сексуальности артикулируется в постсоветском политическом дискурсе и как она репрезентируется в белорусских масс-медиа. Решение подобной задачи, на мой взгляд, позволит, с одной стороны, выявить, в какой мере власть манипулирует этой темой для решения своих политических задач, а с другой — эксплицировать отношение власти к сексуальности вообще и гомосексуальной проблематике в частности.

С точки зрения гендерной теории, сексуальность, как и *пол*, — это не столько биологический (внедискурсивный) феномен, сколько социальный конструкт, у которого есть история. Надзор за сексуальностью и ее нормирование были и остаются одной из основных «привилегий» власти¹ постольку, поскольку дискурс о сексуальности — это один из ключевых элементов гендерной политики в любом обществе. В эпоху политического и экономического кризиса методы и формы насилия, неравенства, дискриминации по признаку пола (а также сексуальной ориентации и поведения) становятся особенно изощренными, а сама тема гендера и сексуальности оказывается предметом торга и всевозможных спекуляций со стороны власти и обслуживающих ее политических партий и институтов. Исходя из этого, конечной целью предлагаемого здесь анализа политического дискурса о (гомо)сексуальности является

¹ Как писал М. Фуко (1996а: 253), «здоровье, потомство, раса, будущее рода, жизненность социального тела — власть говорит здесь о сексуальности и с сексуальностью; сексуальность здесь — не маркер и не символ, она — объект и цель».

выявление властных стратегий манипуляции гендерным субъектом в постсоветской Беларуси.

С момента выхода в свет «Истории сексуальности» Мишеля Фуко любые попытки говорить об отношениях между полами, о смысле и значении пола *вне* связи с механизмами и аппаратами власти, подчинения и господства кажутся несколько наивными. Однако нам в этом направлении предстоит еще многое сделать: лишь сравнительно недавно мы начали исследовать специфику советских практик «ген(д)еризации»² (посредством политического, правового и других социальных дискурсов) и оставленные ими множественные метастазы, которые все чаще сказываются в повседневном опыте посттоталитарного социума. Как нам теперь хорошо известно, сексуальность в эпоху советской власти (хотя и не впервые в мировой истории) была «конфискована в пользу скрепленной браком семьи», она была поглощена «серьезностью функции воспроизводства», а в остальном — окружена молчанием (Фуко 1996г: 99). Последствия этого тотального молчания ощущаются по сей день.

По мысли французского философа, *сексуальность и политика* — это две области, где запретов на дискурс больше всего и они самые суровые. Запрет — это основная процедура, применяемая к дискурсу. Это значит, что «говорить можно не все, не обо всем, не всякому и не при любых обстоятельствах» (Фуко 1996г: 51). Поэтому если о сексе заговорили, то сам факт говорения о нем (или его подавлении) «имеет оттенок смелого преступления». Итак, вслед за М. Фуко зададимся вопросами: *почему о сексуальности* (в постсоветском политическом дискурсе) *заговорили и что о ней сказали*? Какие последствия данное «говорение» могло иметь для формирования гендерной политики? Необходимо принять во внимание самый факт «выведения секса в дискурс», проанализировать, что о нем говорят, кто о нем говорит, а также определить места и точки зрения, определяющие рамки обсуждения — такова в самых общих чертах предлагаемая Фуко процедура анализа дискурса.

При исследовании проблемы освещения гендерной проблематики в отечественных массмедиа³ постсоветского периода мож-

² Термин Т. де Лауретис (1998: 137).

³ В своем анализе я буду опираться на статьи и материалы, появившиеся в разное время (начиная с 1999 года и по февраль 2001 года) в белорусских газетах и на телевидении. Поскольку в Беларуси до сих пор функционирует лишь один полноценный телевизионный канал (Первый Национальный), постольку оче-

но было бы выделить три основных модуса обсуждения темы сексуальности: чаще всего эта проблема затрагивается в связи с репродуктивными правами женщин⁴, а также с проституцией (или секс-торговлей в целом⁵); тогда как наиболее табуированной была и остается тема «секс-меньшинств». Разговоры «про это» возникают спорадически, обычно в связи с профилактикой СПИДа или же в связи с теми или иными культурными явлениями — кинематографом, поп-музыкой, как правило, в молодежной аудитории. Поводом же к написанию данной статьи явились публикации и телевизионные передачи в белорусских средствах массовой ин-

видно, что телевидение является официальным рупором действующей власти, в то время как среди цитируемых мною печатных изданий можно найти умеренно оппозиционные («*Белорусская газета*»); декларативно аполитичные («*Вечерний Минск*»); наконец, дистанцирующиеся от любой политической идеологии, но по существу выполняющие функцию консолидации определенной социальной группы, например журнал геев и лесбиянок «*Форум Лямбда*». Я не ставила перед собой цели проанализировать ситуацию в Интернете прежде всего потому, что в целом Интернет в Беларуси пока не стал общедоступным средством информации и коммуникации и, следовательно, не играет значимой роли в актуальных политических процессах.

⁴ Освещение этой темы не входит в мои задачи, однако внимательное изучение дискурса в средствах массовой информации на эту тему позволило бы увидеть, как происходит формирование новой, постсоветской евгеники. В октябре 1999 года в «*Вечернем Минске*» была опубликована статья под названием «Мужчина и женщина: будем драться?», посвященная, как оказалось, семинару «Гендерное равенство и репродуктивное здоровье». Заканчивалась статья так: «Для того чтобы изменить ситуацию, к подобным мероприятиям следует обязательно привлекать сильный пол. Однако женщине, если она будет вести себя столь агрессивно и вызывающе, вряд ли чего удастся добиться от нашего брата». Тон статьи отражает во многом типическое отношение власти (мужчин) к подобным мероприятиям, равно как и к самой проблематике репродуктивного здоровья женщин. С другой стороны, он также свидетельствует о достаточно резком неприятии образа активной (политически и сексуально) женщины. Думаю, что не только для Беларуси характерна ситуация, при которой представление о женской сексуальности, не сводимой к функции воспроизводства, равно как и о женщине — политическом субъекте, ассоциируется с образом агрессивной (радикальной) феминистки. Так, в ноябре 1999 года белорусское ТВ показало передачу, посвященную феминизму в тематической программе «*Темная комната*», что особенно забавно, ибо в «темной комнате», как правило, приглашают инкогнито участников, которые, с точки зрения организаторов, нарушают те или иные социальные табу и вообще олицетворяют собой трансгрессивный тип маргинала.

⁵ Тема «секс-торговли» не ограничивается рамками проституции и обретает в публичном дискурсе (псевдо)политический характер. Приведу один из абсурдных примеров: так, недавно депутаты Российской думы при обсуждении вопроса о погашении внешних долгов России якобы в шутку предложили ... русских женщин в обмен на погашение долгов.

формации, в которых гомосексуальная тематика приобрела явное политическое звучание (не имея при этом никакого отношения ни к медицине, ни к молодежной культуре).

В свое время Ив Кософски Седжвик (2000: 47) обратила внимание на симптоматичность «выведения в дискурс» темы гомосексуальности, имея в виду четко прослеживаемую связь гомосексуальности и более широкой темы секретности и рассекречивания, частного и публичного. В данном случае, «компромиссная» метафора вхождения и выхода из «чулана»⁶ описывает положение не только белорусских геев, но также и представителей белорусской оппозиции⁷. И те, и другие время от времени действительно выходят из своего «чулана». Оппозиция в течение последних лет периодически выходила на так называемые Марши Свободы, с тем чтобы напомнить о своем существовании, а затем вновь исчезала и с первых страниц газет, и с политической сцены. Белорусские геи в 2000 году предприняли попытку выйти на гей-прайд. Попытка не удалась, так как гей-прайд в последний момент был сорван властями и саботирован (с подачи властей) теми инстанциями, от которых зависела организация семинаров, — однако белорусские секс-меньшинства помимо своей воли оказались в эпицентре политических интриг.

И политическая оппозиция, и гомосексуальное сообщество нуждаются в коллективной идентичности, чтобы достичь своих целей, но раз за разом тактика «коллективных действий» терпит неудачу. Те, и другие воспринимаются властью как презируемый Другой. И Субъект политической оппозиции, и Субъект гомосексуального сообщества выстраиваются властью «путем исключения, т. е. путем создания области деавторизованных, несанкционированных субъектов, пресубъектов, фигур презрения,

⁶ Я согласна с мыслью И. Седжвик (2000: 50) о том, что «троп чулана» уже несколько изношен, может быть, даже выхолен настолько, что почти лишился своей исторической принадлежности к гомосексуальной культуре». В то же время использование данной метафоры в белорусском контексте все еще сохраняет свой первоначальный смысл с отсылкой на специфически геевскую топологию приватности в культуре.

⁷ И здесь, и далее «оппозиция» будет фигурировать как единый Субъект, хотя в действительности в оппозиционный блок входят представители самых разных партий, зачастую стоящих на принципиально различных позициях (от белорусской фракции ЛДПР и Национального фронта — до коммунистов и Объединенной гражданской партии), однако в последнее время практики исключения, применяемые властью в лице пропрезидентской администрации, все чаще вынуждают оппозицию консолидироваться и выступать в качестве единого политического движения.

населения, вычеркнутого из поля зрения» (Батлер 1999: 98–99). Выяснив, что субъект формируется путем операций исключения, далее необходимо проследить операции такого построения и вычеркивания (что и будет предпринято далее): самое примечательное при этом, что для исключения одного субъекта (оппозиции) власть использует другого (геев) — в результате оба субъекта оказываются еще более «презираемыми» в глазах власти и контролируемого ею с помощью государственных средств массовой информации общественного мнения.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу репрезентации гомосексуальных и политических «субъектов» в белорусских массмедиа, мне хотелось бы в нескольких чертах прояснить теоретические основания исследования. Предлагаемый мною анализ осуществляется в рамках конструктивистского подхода. Современную феминистскую критику, исследующую феномены визуальной коммуникации, интересует феномен репрезентации, т. е. способы, посредством которых общество (или доминирующая идеология) не только структурирует содержание, но обуславливает сам способ видения. Конструктивистский подход к феномену «репрезентации»⁸ предполагает, что значение не задано и не существует до репрезентации, но конструируется в процессе представления в языке и посредством языка и других знаковых систем. «Репрезентация не является отражением, это, скорее, активный процесс отбора и представления, структурирования и формирования, это процесс наделения чего-либо смыслом» (Yuans 1991: 69). Соответственно, гендерный дискурс формируется в процессе производства, передачи и рецепции сообщения средств массовой информации. Кинематограф, телевидение, популярная литература конструируют воображаемый мир, на который проецируются индивидуальные и социальные фантазии и ожидания. Медиа также являются весьма эффективными «технологиями гендера»⁹ — приспособляющими, модифицирующими, реконструирующими и производящими культурные представления о половом и сексуальном различии. Подобная позиция принципиально отличается от традиционной установки на выявление и критику «сексистских» (расистских и других) стереотипов в средствах массовой информации, поскольку активный характер репрезентации исключает

⁸ См. более подробно о «конструктивистской», «интенциональной» и «рефлексивной» моделях репрезентации в работах Стюарта Холла (Hall 1997).

⁹ «Технологии гендера» — термин Терезы де Лауретис (De Lauretis 1987).

возможность нейтрального воспроизведения или отражения чего-либо существующего до или вне ее. В интересующем меня случае конструирование политического субъекта как субъекта гомосексуального и (или) «проституирующего» (и *vice versa*) происходит именно в процессе репрезентации на телевидении и в газетах, и не имеет никакого смысла говорить о воспроизводстве некоего стереотипного образа как оппозиции, так и геев. Тем самым создается новая реальность, которой до момента репрезентации не существовало.

Как известно, именно с проблемы определения «реальности» начался переход к конструктивистской модели репрезентации в феминистских исследованиях массмедиа. Эпистемологически понятие «реальности», подразумевающее мир вещей, событий, процессов и ситуаций, существующих до и вне нашего восприятия (оценки, суждений, отношений), становится весьма проблематичным. С позитивистской точки зрения «реальность» может быть объективно описана, измерена и просчитана, а медиа лишь должны ее «правильно» представлять. Сказать, что медиа «искажают реальность» — значит утверждать, что существует некая онтологическая реальность существования тех ли иных социальных групп, которую медиа затем представляют в искаженном свете. Следовательно, возникает стремление оценивать деятельность массмедиа по качеству и критерию истинности репрезентации реальности. Так же проблематично в этом случае и понимание специфики медиа, поскольку в этом случае их «посредническая» функция сводится к безучастному отражению, а специфика семиозиса вовсе игнорируется.

На мой взгляд, онтологическая реальность — это реальность молчания, если она и существует вне дискурса, то сказать мы о ней ничего не можем. В случае с белорусской оппозицией, например, можно с уверенностью утверждать, что она существует лишь настолько, насколько она «видима»: если ее нет в дискурсе средств массовой информации, то ее нет вообще и как политический субъект она не существует, «не существует» с точки зрения присутствия в публичном пространстве. О том, как оппозиционные политики существуют в своей среде и каковы их внутренние проблемы, мы узнаем также из средств массовой информации, т. е. из репрезентации. «Субъективность» белорусских геев в той же степени детерминирована формой репрезентации, хотя их существование не зависит напрямую от факта представленности в средствах массовой информации): оставаясь в «чулане», они словно не существо-

вали ни для власти, ни для аудитории белорусского телевидения, переход же из Реального в Символическое сделал их видимыми и уязвимыми и для власти, и для всех остальных. Процедура исключения «презираемого Другого» (как условие формирования субъективности) вовсе не означает, что о Другом ничего не говорят, о нем говорят, но важным является то, что и как говорится о Другом, чтобы его исключение стало «очевидным» для всех.

Таким образом, массмедиа — не зеркало социальной реальности, они — ее создатели. В пользу тезиса о том, что реальность не существует вне ее репрезентации, каким бы парадоксальным эпистемологически и лингвистически ни казался этот тезис, говорит и тот факт, что основным механизмом смыслопорождения в текстах массмедиа являются коннотации — понятие буквального смысла здесь не работает. Проблематичность «буквального смысла» обусловлена не только процессом неограниченного семиозиса, выполняющего функцию закона распространения и циркуляции информации в средствах массовой информации, но также тем, что устраняется референт. Так, перефразируя слова Джудит Батлер, мы могли бы сказать, что благодаря высвобождению категории «гей» от фиксированного значения¹⁰ становится возможным нечто вроде «свободы действий» (по крайней мере — на уровне риторики): однако в данном случае речь идет о свободе действий не для самого («отвязанного») субъекта, но для власти, которой выгодно этого референта игнорировать или манипулировать им по своему усмотрению (Батлер 1999: 102). Если значение термина не фиксировано, тогда возможности для новых конфигураций термина становятся возможными: именно так возник интересующий нас имидж белорусской оппозиции как гомосексуального меньшинства.

Таким образом, массмедиа и телевидение, в особенности, представляют своего рода «псевдореальность» или «гиперреальность», об отличии которой от «другой», настоящей, реальности мы уже ничего сказать не можем, ибо эта («симулятивная») реальность и есть наша повседневная форма существования. Зрители, затратившие много времени на просмотр телевидения, тяготеют к подмене своего социального опыта телевизионной реальностью, склоняются к «телевизионному» мировосприятию¹¹.

¹⁰ У Джудит Батлер речь идет о «женщине».

¹¹ За последние пару лет мы все имели возможность в этом убедиться (достаточно здесь вспомнить о предвыборной кампании, когда медиа создали нужный власти образ «Медведя» и единого кандидата от этой партии на президентских выборах, или о ситуации вокруг подводной лодки «Курск» и т. д.).

Белорусские массмедиа в последние годы создают свою специфическую «реальность»: ту, в которой присутствует *видимость* демократии и всех сопутствующих ей норм и факторов, включая гендерный аспект. Каким образом они моделируют, репрезентируют и «политически корректируют» гендерные отношения в современном белорусском обществе, — будет рассмотрено далее (на примере манипуляций с табуированной темой сексуальности).

Нерв белорусской политики — это сложившиеся в настоящее время отношения между властью и оппозицией. Когда оказываясь за пределами Беларуси, то возникает такое ощущение, что нигде так остро не стоит вопрос об оппозиции, о свободе прессы и прочих демократических свободах, как у нас¹² (ибо и российские, и западные медиа вспоминают о Беларуси лишь в связи с этим обстоятельством), хотя сами белорусы, кажется, утратили свежесть восприятия этой проблемы. Оппозиция в Беларуси плохо организована, малочисленна, она не имеет ни широкой социальной поддержки, ни четко сформулированной политической платформы (единственная более или менее четко сформулированная установка — это надежда на возвращение в «европейский дом», а не на союз с Россией) и официальной власти она — не конкурент, по крайней мере на данный момент.

Политическое противостояние симулируется и стимулируется всеми без исключения небелорусскими медиа — как если бы именно эта тема являлась наиболее острой для Беларуси. В свою очередь, белорусские официальные медиа (государственное ТВ) уже который год борются с ветряными мельницами: их оппоненты — не сама белорусская оппозиция, а создатели негативного имиджа Беларуси как недемократического государства. Оппозиция же почти никак не репрезентирована в белорусских средствах массовой информации: ее словно нет, а когда она появляется, тогда и начинаются сюрпризы. Для целей данного исследования важно то, что когда власть и оппозиция начинают открыто конфликтовать, то делают они это, прибегая к патриархальной сексистской риторике. Более того, даже независимые массмедиа все более скеп-

¹² Возможно, эта проблема стала достаточно актуальной и для России, однако есть одно существенное различие: в России речь идет о необходимости существования оппозиционной прессы как условия соблюдения свободы слова, в Беларуси же подчеркивается присутствие политической оппозиции в массмедиа (прежде всего — государственных) на равных с прочими политическими субъектами условиях.

тически относятся к оппозиции, критикуя ее за политическое малодушие, за склонность к интригам и склочность, а более всего за ту легкость, с которой оппозиционные политики меняют свои убеждения и программы (по соображениям собственной выгоды). Совершенно не случайно все чаще в контексте обсуждения действий и инициатив оппозиционных партий используется метафора «продажной любви».

Обратимся к серии материалов, появившихся в «Белорусской газете» («БГ») осенью 2000 года. «БГ» — умеренная оппозиционная газета, независимая еще и потому, что критикует как власть, так и оппозицию. Одновременно это — единственная газета, которая регулярно публикует материалы на гендерную тематику и обращает внимание на проявления патриархального сексизма в массмедиа и в речах политиков. Тем не менее, и на страницах этой газеты появляется интерпретация проституции как экономического ресурса индивида (женщины) и государства. В октябре накануне выборов в парламент газета опубликовала серию материалов, посвященных проституции. В них говорилось о легальной проституции в Голландии, о том, что, как показал ход истории, проституцию невозможно уничтожить запретами и административными мерами. Автор материала иронически отмечал, что Беларуси есть чему поучиться у Голландии, особенно учитывая отсутствие природных ресурсов и других способов легкого зарабатывания денег, а также общую непривлекательность белорусского сервиса для иностранных туристов. Была высказана также мысль, что при легализации проституции стало бы лучше не только женщинам, занятым в этой сфере, но и всему населению: «Сексуальная индустрия наконец-то заработает на выполнение социальных программ, образование и здравоохранение» («БГ». 2000. 9 октября). Но самое интересное начиналось на следующей странице: под заголовком «Тело на продажу» обсуждалась продажность белорусских политиков — чем они *лучше* проститутки? При этом говорилось как о политиках, близких президентскому режиму, так и политиках, заявляющих о себе как об оппозиции.

Вспомним об основной коллизии осенней белорусской предвыборной кампании 2000 года: вплоть до последнего месяца оппозицией муссировался вопрос о том, участвовать или не участвовать в выборах: участвовать — значит поддержать лукашенковский сценарий (всеми единодушно характеризуемый как «фарс») и попасть в случае успеха в парламент, легитимность которого будет крайне проблематичной; не участвовать — значит продолжать по-

литическую борьбу полулегальными методами, потерять часть электората (ибо очередное неучастие оппозиции в легальных формах борьбы с властью дает повод к размышлению — почему оппозиции выгодно не участвовать?) — словом, отказаться от последнего шанса как-то включиться в политическую жизнь страны накануне президентских выборов. В результате этих сомнений основная часть оппозиционеров отказалась от участия в выборах, те же, кто решил включиться в предвыборную кампанию, самой оппозицией, призывавшей народ бойкотировать выборы, были заклеены как предатели интересов народа.

Обозреватель «БГ» Михаил Подоляк, анализируя сложившуюся ситуацию, квалифицирует действия белорусской оппозиции, ее метания, внутренние распри и заигрывания с избирателями и с Западом как политическую проституцию. Политика — это сфера, где «количество потенциальных проституирующих субъектов зашкаливает». Продажа «политических тел» — это наиболее сложный и многоэтапный процесс из всех видов социального проституирования. «Политическое проституирование» автор определяет как «процесс мгновенной смены тем или иным политиком своей политической платформы» (то, что эта смена осуществляется не бескорыстно, имплицитно подразумевается самим термином «проституция», на что автор и указывает чуть ниже). На языке политиков этот процесс характеризуется как «корректировка политической позиции в связи с изменившимися обстоятельствами» — хотя при этом речь идет о переходе из стана «белых» в партию «красных» и наоборот. Проблема состоит в том, что, меняя свою ориентацию, политик манипулирует интересами той социальной группы, от лица которой он выступает в политической сфере, т. е. в отличие от публичного дома на продажу здесь выставляется не одно тело, а вся социальная группа. И автор резюмирует: «Так что справедливее: платить и пользоваться «чужим телом» по обоюдному согласию или когда вас используют через проституирующего политика без вашего на то согласия?» («БГ». 2000. 9 октября).

Если в оппозиционных массмедиа кризис политической репрезентации нашел отражение в образе активно «проституирующего» политического субъекта, то правящий режим, будучи уверенным в собственной репрезентативности и, следовательно, легитимности, избрал иную дискурсивную стратегию, направленную на подрыв репутации своего оппонента. Смена «сексуальной ориентации» здесь квалифицируется как большее зло, чем «любовь за деньги». «Know how» государственного телевидения —

это представление оппозиционного движения как гомосексуального сообщества.

Примечательно, что до недавнего времени для белорусских массмедиа тема гомосексуализма «не существовала», и вдруг она оказалась «рассекреченной»: ей был посвящен один из выпусков передачи, по жанру напоминающей политинформацию, адресованной широкой аудитории и показываемой в прайм-тайм (речь идет о передаче «*Тайные пружины политики*» — пропагандистский «хит» властей политического сезона осени 2000 года); на эту тему высказались некоторые известные белорусские политики, ей нашлось место на страницах нескольких крупных белорусских газет. Кроме того, белорусские геи, прежде достаточно аполитичные, также обозначили свой интерес к актуальной политической ситуации¹³, на страницах как специализированного журнала геев и лесбиянок «*Форум Лямбда*», так и в выступлениях на страницах других изданий.

Из интервью Эдварда Тарлецкого «*Белорусской газете*»:

Надо отличать понятия: медицинское — «гомосексуалист» и политическое — «гей». Геев в Беларуси очень мало, а гомосексуалистов много. В любой стране, где они не легализованы, геев в первую очередь начинают преследовать гомосексуалисты!» («БГ». 2001. 12 февраля).

Далее, в № 18 журнала «*Форум Лямбда*» одна из статей была посвящена проблеме пропаганды, в которой автор размышлял на тему гомофобии в современном белорусском обществе, «которое во многом все еще живет по инерции, т. е. следует социально-культурной траектории, заданной в эпоху советской империи. Самой коммунистической идеологии уже нет, но сохраняется набор стереотипных социальных реакций, социальных рефлексов. Белорусское общество — общество без четкой системы писанных правил, это — квазитрадиционное общество. Феномен советского консерватизма и есть тот специфический культурный фон, на котором едва развивается субкультура секс-меньшинств в Беларуси». По мнению автора статьи, белорусская гомофобия — это производное от белорусского образа жизни:

¹³ Словно вспомнив о том, что движение геев на Западе в течение последних десятилетий (как в свое время и радикальный феминизм) носило ярко выраженный политический характер.

*«Враждебность к геям в Беларуси во многом — следствие уни-
зительного положения мужчины и вообще человеческой личности.
Основные учреждения мужского воспитания — улица, армия, тю-
ремная система, искореняют свободу индивидуальности, развива-
ют конформизм... Корень конфликта секс-меньшинств с социаль-
ной средой — не собственно запрет на гомосексуальность в чистом
виде, а неприятие маргинальной постсоветской массой разнообра-
зия жизненных стилей как такового... Белорусский гомофоб реаги-
рует на гомосексуалов почти рефлекторно. Инаковость — уже само
по себе преступление» («Форум Лямбда». 2000. 18: 5).*

В этом же номере редакция поздравляла председателя Бело-
русского Национального фронта Винцука Вячорку с присужде-
нием ему премии белорусскоязычного журнала ARCHE за «Ис-
креннее слово в политике» (на ту же премию были номинированы
и другие деятели, а также сам журнал «Форум Лямбда»). Поздрав-
ление заканчивалось несколько двусмысленно: «Политик, гово-
рящий искреннее, — уникален».

Именно рефлексия белорусских геев на тему своего отноше-
ния к политике в этом и последующем номерах журнала «Форум
Лямбда» «спровоцировала» последующее «рассекречивание» ге-
евской субкультуры в передаче «Тайные пружины политики», оди-
озный автор которой (Ю. Азаренок) черпал источник вдохнове-
ния из статей Э. Тарлецкого, главного редактора журнала. В этих
статьях Э. Тарлецкий размышлял о том, что общественные орга-
низации, официально закрепившие за собой статус оппозицион-
ных и демократических, стараются открыто не контактировать с
секс-меньшинствами, боясь дискредитации в глазах и властей, и
своих сторонников. Репортаж об участии белорусской делегации
в гей-прайде в Стокгольме содержал упоминание о встречах бе-
лорусских геев со шведскими журналистами и депутатами парла-
мента, от которых они узнали, что шведы давали деньги некото-
рым белорусским политикам, из числа оппозиционных, на
осуществление проектов, способных поддержать права геев. И в
конце автор статьи задает риторический вопрос: «Где те проекты,
где те семинары...» («Форум Лямбда». 2000. 19: 10).

Именно эти материалы, а также несостоявшийся, но получив-
ший печальную известность сентябрьский гей-прайд и сыграли
роковую роль в новой PR-кампании, развернутой властью нака-
нуне выборов в парламент. Первый выпуск передачи «Тайные пу-
ружины политики» был посвящен белорусским геям — в шизофре-

ническом (правильнее было бы сказать — (фа)шизоидном) монтаже можно было увидеть кадры с Веркой Сердючкой, Борей Моисеевым, фото и видеоматериалы с гей-прайда в Стокгольме и Риме, а также выделенные маркером строчки из журнала *«Форум Лямбда»*. Власть была представлена в трех ипостасях: приглашенный психотерапевт излагал якобы медицинскую точку зрения на проблему гомосексуальной ориентации; представитель городской администрации объяснял причины, по которым геям было отказано в проведении их мероприятий; наконец, наибольшее внимание было уделено православному священнику, который, водя пальцем по открытой Библии, призывал чуть ли не к уничтожению «мужеложцев» и «извращенцев» (именно в таких терминах все участники с правом голоса обсуждали проблему секс-меньшинств), сравнивая их с сатанистами и фашистами. Словно следуя принципу «монтажа аттракционов», разработанному в свое время знаменитым советским режиссером и кинотеоретиком Сергеем Эйзенштейном (1965), фильм связывал в единую монтажную фразу показ участников гей-прайдов, представителей белорусской оппозиции во время Маршей Свободы в Минске, хронику времен Второй мировой войны с марширующими нацистскими колоннами и возложение венков к Памятнику Победы ветеранами Великой Отечественной войны (подобное использование немецкой хроники в телевизионных программах вообще очень популярно на белорусском ТВ). Хорошо известно, что жанр пропаганды предполагает повествование за кадром (voice-over narration — на языке кинотеории), однако агрессивный вербальный комментарий должен представлять точку зрения лишь ведущего передачи: отвечая на когда-то сформулированный Гайятри Спивак (Spivak 1993) вопрос: «Могут ли угнетенные говорить?», мы должны были бы ответить: «Нет», ибо их мнение никого в этой ситуации не интересует.

Таким образом, если независимые критики полагают возможным квалифицировать действия оппозиционных политиков в терминах секс-торговли, прибегая к метафоре политической проституции, то официальная власть в своей борьбе с оппозицией пытается навязать ей имидж «педерастической», т. е. сексуально-политического меньшинства. Характерно, что и в том, и в другом случае оппозиции отказывается в праве на «уверенную» маскулинность, а презируемый Другой наделяется «презируемой» сексуальностью. Примечательно, однако, то, что для самой оппозиции, тон в которой задают националистически настроенные

партии, ее маскулинность — вне всяких подозрений¹⁴, а неонационалистическая риторика, как и неокоммунистическая риторика власти, формирует пространство гомофобного фанатизма. Иначе говоря, оба дискурса ориентированы в общем-то на одну и ту же «нормативную»¹⁵ модель сексуальности. Обе стороны активно используют сексуальную метафорику в азарте взаимных обвинений, следуя, таким образом, характерным конвенциям коммуникации в гомосоциальном мужском сообществе. Это — примеры нарциссического дискурса с элементами мужского шовинизма, которому глубоко безразличны как судьба проституток, так и судьба сексуальных меньшинств.

Не так давно «БГ» опубликовала он-лайнное интервью главного идеолога-пропагандиста белорусского ТВ, автора и ведущего воскресной «Панорамы» Александра Зимовского. Один из читателей газеты задал ему вопрос: *«Почему в Ваших передачах, говоря об оппозиции, вы всегда клоните в сторону секса? Вам его не хватает?»* На что А. Зимовский ответил: *«Секса, судя по всему, не хватает оппозиции. Поэтому она сублимирует свою активность в имитации политической деятельности»* («БГ». 2001. 29 января).

В другом он-лайнном интервью на тему порнографии лидер белорусских геев Эдвард Тарлецкий сказал читателям «БГ»: *«Секса*

¹⁴ Здесь я хотела бы сослаться на работы Елены Гаповой, исследовавшей, каким образом культурный конструкт «женщины» используется различными участниками политического дискурса о будущем белорусской нации в поиске ее идентичности. В частности, она отмечает, во многих восточноевропейских странах сила нации ассоциируется с мужской силой, а унижение нации (со стороны других государств в прошлом или настоящем) интерпретируется и репрезентируется метафорами изнасилования, овладения или же продажности. Использование женской символики (иконизация женственного) для создания образа униженной родины — не новый прием. В белорусском контексте национальная «неуверенность» предстает как проблема женской чистоты («С кем ты спала, Отчизна?»)... Если же сила нации — это мужчины, то отсюда закономерным образом вытекают некоторые другие идеологемы, которые начинают доминировать в реальной социальной практике, связанной с демографической политикой и определенной концепцией женских репродуктивных прав. Функция женщин в такой ситуации — быть биологическими воспроизводителями нации. (Гапова 1999).

¹⁵ «Нормативная» женская сексуальность (в патриархальном обществе) определяется инстинктом материнства, а стремление к половому удовлетворению, которое считается нормальной чертой мужского начала, квалифицируется как аномалия.

в Беларуси нет!» — Так заявил Зенон Позняк¹⁶ еще в 1994 году.... Белорусское государство так стыдится мужского тела, что заковало его в латы» («БГ». 2001. 12 февраля).

Впрочем, описанная выше ситуация парадоксальна лишь на первый взгляд, ибо, с одной стороны, следует принять во внимание наследие коммунистической идеологии, демонстрировавшей неприятие любой инаковости, а с другой — вспомнить мысль И. К. Седжвик о том, что «самые ярые гомофобы — это мужчины, «не уверенные в своей маскулинности» (Седжвик 2000: 61). Хотя Седжвик полагает, что этот тезис поддерживает недостоверную, но необходимую иллюзию о том, что возможно существование «уверенной» версии маскулинности, его все-таки можно принять за основу нашего размышления, так как в любом случае мы вправе говорить о кризисе («уверенной» или «неуверенной» в себе) маскулинности.

Обобщим все вышесказанное в форме нескольких тезисов для последующего размышления:

— националистический (в лице оппозиции) и постсоветский (официальная власть) дискурсы ориентированы на одну и ту же «нормативную» модель сексуальности, какими бы различными ни были их политические позиции; обе стороны боятся феминизма как «означающего» сексуальную разнузданность и обе — третируют любые формы «странной» сексуальности; при этом белорусская нация чаще всего (с обеих сторон) интерпретируется в терминах традиционной патриархальной семьи, во главе которой стоит «батяка», символический Отец нации;

— и те, и другие симулируют видимость демократии, активно эксплуатируя сексуальную метафорику в целях взаимного оскорбления, не интересуясь гендерной политикой в принципе и избегая решения гендерных вопросов о репродуктивных правах женщины, о правах секс-меньшинств, о сексуальном принуждении и секс-торговле; *демократия* как для официальной белорусской власти, так и для противостоящей ей оппозиции менее всего ассоциируется с правами сексуальных меньшинств, Впрочем, как и с решением пресловутого «женского вопроса»;

— политический дискурс белорусской власти репрезентирует особенности конструирования маскулинности в постсоветских ус-

¹⁶ Лидер Белорусского Народного Фронта, несколько лет назад попросивший политического убежища в США.

ловиях; при этом как активная женщина (образ которой почти всеми, без исключения, массмедиа интерпретируется как образ непримиримой феминистки — примеров тому не счесть), так и гей воспринимаются в качестве подрывающих эту едва возникшую («неуверенную») маскулинность агентов;

— белорусская власть, прибегая к радикальным формам контрпропаганды (репрезентация политической оппозиции как сексуально-политического меньшинства), решает двойную задачу: дискредитации как любого политического инакомыслия («новый» «педерастический» имидж оппозиции должен сыграть свою историческую роль накануне президентских выборов), так и гендерной инаковости, что, видимо, должно способствовать сохранению статус-кво нынешней власти и традиционалистской системы ценностей;

— «исключенные» действующей властью субъекты — белорусские геи и белорусские оппозиционеры ностальгируют по «несбывшейся европейской Родине — Беларуси», руководствуясь определенным представлением о демократическом обществе, в котором они хотели бы жить; правда, свободу и либерализм они понимают по-разному, да и говорят они на разных языках, что в условиях Беларуси политически немаловажно¹⁸;

— символические конструкторы «перверсивной» сексуальности (как гомосексуальной, так и женской, не ограничиваемой материнскими функциями) используются в дискурсе власти с целью выяснения «голой истины», но не секса, а политики, как полагают сами участники политического процесса. В то же время можно было бы, следуя мысли Мишеля Фуко (Фуко 1996: 51), сделать вывод о том, что и здесь знание оказывается прежде всего сексуальным знанием, а тайны — сексуальными тайнами. Иначе говоря, власть думает, что она раскрывает тайны политики, мы же в этих разоблачениях вправе обнаруживать «истину секса», бессознательно проговариваемую как властью, так и ее оппонентами в гомосоциальном пространстве политического дискурса.

¹⁸ В буквальном смысле: журнал геев и лесбиянок выходит только на русском языке, тогда как подавляющее количество оппозиционных изданий — на белорусском.